

Возврат императрицы к государственным делам тоже, разумеется, не мгновенно стал достоянием общественности. Но в конце концов и это известие дошло до П. И. Панина, который к тому же оправился от болезни. Пришлось задуматься о возможных последствиях уже совершенного. Оставалась, правда, еще надежда, что добровольное самоотстранение от власти у Екатерины II может повториться. Так появилась вторая группа документов. «Проект манифеста», таким образом, написанный в 1785 г., был сознательно передатирован минувшим годом. Это приближало время создания второй группы документов к первой — разница по времени между ними получалась всего в два месяца. Подобное объяснение выявляет и мотивы создания как первой, так и второй группы документов.

Из двух братьев только Никита Иванович Панин на протяжении многих лет был близок к Павлу. Еще при жизни Елизаветы Петровны он был назначен воспитателем наследника престола (1760 г.) и вплоть до 1781 г. был «своим человеком» при «малом дворе». Но и после 1781 г. Н. И. Панин не порывал связи с наследником — во время заграничной поездки великого князя он переписывался с цесаревичем. Более того, по свидетельству Д. И. Фонвизина, Н. И. Панин и «скончался при дражайшем своем питомце» (т. е. Павле I. — *Г. Л.*).¹¹ Иными словами, отношения Павла и Н. И. Панина, при всей близости, были еще и отношениями почти равных людей, и, таким образом, ссылка на Н. И. Панина служила удобным поводом для вручения документов Павлу. Кроме того, вне всяких сомнений, воспитатель и воспитанник обсуждали вопросы российского законодательства. Указание на работы, ведшиеся по данному поводу покойным Н. И. Паниным, не могло показаться Павлу неожиданным. Был и еще один мотив. Создание документов, особенно первой группы, было достаточно смелым шагом. Императрица была жива, ее реакция на подобный акт могла быть однозначной. Переадресовывая самый антиекатерининский документ «Рассуждение о непрелюбимых государственных законах» Н. И. Панину, Д. И. Фонвизин и П. И. Панин в значительной мере отводили от себя возможные репрессивные меры.

Теперь становится ясно, что П. И. Панин в письме Павлу от 1 октября 1784 г. не допустил описки, назвав наследника не «высочеством», а «величеством». И не расчетом на передачу документов в каком-то отдаленном будущем объяснялось обращение: «Ваше императорское величество». Наоборот — П. И. Панин стремился не опоздать, стремился передать документы именно в момент перехода престола к Павлу I.

Представляется, что высказанные выше соображения позволяют поставить вопрос об иной датировке «Рассуждения о непрелюбимых государственных законах» или, как его еще называют, «Завещания Панина». Ныне «Рассуждение» датируется либо

¹¹ Фонвизин Д. И. Избранное. С. 229.